

Волею судьбы я оказался ровесником великой Победы. Мой отец, потомственный сельский кузнец Пётр Фёдорович Алешков, участник Финской кампании и обороны Ленинграда (1941 – 1942), после двух ранений вернулся домой, в русское село Орловка, которое с середины XVII века расположилось в Нижнем Закамье, на территории современной республики Татарстан. Он вернулся из госпиталя в 1943 году, я появился на свет 26 июня 1945 года - через два дня после парада Победы на Красной площади.

Самым счастливым временем жизни считаю послевоенное деревенское детство. Несмотря на недоедание (1947 год, например, выдался в наших краях неурожайным); несмотря на холод зимних ночей, несмотря на слёзы мамы из-за непомерных налогов на всякую живность в личном хозяйстве и на каждый «курень» картошки в огороде площадью в 25 соток... Зато нас любили всем селом. Солдатские вдовы гладили по головке и угощали парным молоком, а мужики учили запрягать лошадь, собирать конными граблями скошенное сено в валки.

Два лета подряд в школьные каникулы мне довелось пасти колхозных жеребят в ближних закамских лугах, а были ещё и дальние луга, которые стали потом названием моей новой книжки. Где вы, дальние луга – метафора потерянного рая? В зоне затопления Нижнекамской ГЭС – ответило время...

И всё-таки... Никто лучше Николая Рубцова не смог выразить радость горького послевоенного детства:

«Вот говорят, что скуден был паёк//Что были ночи с холодом, с тоскою//... Я лучше помню ивы над рекою//

И запоздалый в поле огонёк». Без этой памяти не было бы и моих стихов. Ау, одногодки...

НАС РАСТИЛА ОРЛОВКА

ГОД РОЖДЕНИЯ

Над тесовую крышей
пели ветры в трубе.
Сын Петра и Мариши,
я родился в избе.
Ветры весело пели
и качали звезду
над моей колыбелью
в сорок пятом году.

И салюта зарницы,
что зажглись над Москвой,
расцвели, как жар-птицы,
над моей головой.
Чуть подрос – засверкали
на груди сорванца
боевые медали
с гимнастёрки отца.
– Батя, вспомни!
– Не надо.
Был отец молодым.
Из блокадного ада
возвратился седым.
Всё, что в детстве случилось,
я запомню навек.
В нашем классе училось
только семь человек.
Подсекали мы ловко
пескарей на реке.
Нас растило Орловка
на парном молоке.
Деревенские вдовы,
как пригоним коров,
Скажут, потчуй вдоволь:
– Будь, сыночек, здоров!
Вытрут влажные веки
уголками платка.
Не забуду вовеки
вкус того молока!
Нас всем миром растили,
пересилив беду.
Я родился в России,
в сорок пятом год

ТИШИНА

Орловка пахнет тёплым молоком.
Грибами пахнет дальняя поляна.
Здесь тишина ступает босиком
из утреннего сизого тумана.

И лес притих, её оберегая,
лишь старая сосна скрипит во сне.
И мама – молодая-молодая –
ведёт меня навстречу тишине.

Она сама, как эта тишина...
Я тороплюсь за мамою вдогонку.
Пока ещё не знаю, что она
под сердцем носит дочь – мою сестрёнку.

Грибов кругом – корзины маловато,
чтоб все собрать. Спасибо, косогор!
В лукошке мамы – грузди и опята,
в моей руке – красавец-мухомор.

Ленивую, тяжёлую волну
внизу, под косогором, катит Кама.
Какой простор – куда я ни взгляну!
– Сынок, пора обедать, - кличет мама.

Из прочного военного брезента
отцовский плащ расстелем на траве.
Иголки предъявив, как документы,
в клубок свернётся ёжик на тропе.

Ответит память, лишь струну задень,
как молоком картошку запивали.
Я навсегда запомню этот день,
счастливее найду в судьбе едва ли...

Речная даль аукнется гудками.
Я пароход увижу вдалеке.
За ним, как парус, вслед за облаками
уже плыву куда-то по реке.

Плыву во сне – цветном и молодом.
Мой путь далёк. Неведомое, здравствуй!
Заботливая мамина ладонь
тепла под головой моей вихрастой.

Земля нас всех с рожденья окружает
теплом животворящего огня.
И вот она, как мама, провожает
в рискованный и трудный путь меня.

В душе моей так чисто, так светло –
я никакой беды ещё не знаю.
Куда б меня во сне ни занесло,
проснусь в твоём лесу, земля родная!

Услышу вдруг как, раздвигая ветки,
кого-то окликает тишина...
Прошло семь лет, как я живу на свете.
Прошло семь лет, как кончилась война.

Только услышу – гармонь заиграла,
сердце на миг встрепенётся в груди...

Лёгкое пёрышко с неба упало,
утро настало, вся жизнь впереди.
Песня исчезнет... и снова приснится.
Вот я бегу босиком по тропе
сквозь золотистое поле пшеницы
солнцу навстречу, навстречу судьбе.
А за околицей, а на лужайке –
праздник престольный, Кузьма и Демьян *.
Там на гармошке и на балалайке
брат мой играет – не нужен баян.
Песню подхватят и бабы, и девки.
Сдвинут стаканы молчком мужики.
И далеко разлетятся припевки –
до горизонта, до самой реки...
Вдруг – из района товарищ. Вопросы:
– Что за гулянка?
Ответят ему:
– Это Орловка вернулась с покоса,
с дальних лугов, аккуратно на Кузьму.

Небо в глазах опрокинется навзничь.
Воздух июльский полынью горчит.
И одноногий Максим Афанасьич:
– Мы победили! - сквозь слёзы кричит. –
Руку подай, одногодок Петруха!
Мне деревяшка житья не даёт!
Мы-то живые... Другим невезуха –
тем, кто с войны никогда не придёт.
На зиму хватит и сена, и хлеба.
Раны болят? Потерплю. Заживёт...

Русская песня – дороженька в небо –
только услышу – зовёт и зовёт.
Спеет пшеница. Луга покосили.
И нагулялись. Пора и домой!

Как же охота вернуться в Россию
послевоенную, Боже ты мой!

---

*14 июля моё родное село Орловка отмечает престольный праздник святых бессребреников Космы и Дамиана, в честь которых названа церковь.

Дрогнет рябины ветка
 вдруг за моим окном...
 Я к середине века
 добрым пророс зерном
 сквозь чернозём с навозом
 в послевоенный быт.
 В нашей семье колхозом
 не был никто забыт.
 В кузнице утром ранним
 батя огонь вздувал.
 В правую руку ранен,
 левой рукой ковал.
 Засветло мне на конный
 двор – жеребят пасти.
 Молится у иконы
 мама: «Господь, спаси!»
 В зыбке сестрёнка – помню –
 сладко спала тогда.
 Братя в лугах и в поле:
 лето, покос, страда.
 Старшей сестре работа –
 веялка на току.
 И от жары охота –
 с берега да в реку...

Детство за мной живое
 катится по судьбе.
 Слышали вы, как воет
 ветер зимой в трубе?
 Десять коленок острых
 рядышком на скамье.
 Братя мои и сёстры –
 пятеро нас в семье.
 С печи да на полати,
 кубарем утром вниз:
 сёстры мои и братя:
 Люба, за ней Борис,
 а за Борисом Саша,
 значит, за Сашей я,
 следом Верунька. Наша
 вся на виду семья...

Дрогнет рябины ветка,
 и разомкнётся круг.
 Видимся, братя, редко,
 видимся, сёстры, вдруг.
 Сельское всё, простое
 вижу теперь во сне.
 Солнышко золотое
 светит оттуда мне.

Свалив на бугре недомётанный стог,
взбесившийся ветер скатился в низы,
и в тёплую пыль деревенских дорог
упали тяжёлые капли грозы.

Ворчала, ворочалась туча-зыбун.
Вдруг ливень ударил, ручьи потекли.
И мчался пришпоренный громом табун,
вздывая копытами комья земли.

Летели галопом мои стригунки.
А ливень по спинам всюю молотил.
С колхозной машиной наперегонки
летели они, выбиваясь из сил.

Я к рыжему крупу трёхлетка прирос,
пока не возник конный двор перед ним.
И там, среди пахнувших дёгтем колёс,
мы долго дышали восторгом одним.

Исхлёстан дождём от макушки до пят,
я видел – сверкала небес круговерть
в безумных и влажных глазах жеребят,
что сбились, дрожа, под сухую повесть.

НАДЬКА

Рос бедовым, не пугливым, на реку – чуть свет – бежал.
Там, в низине под обрывом, до июня снег лежал.

Если прыгну в снег с обрыва, «Подвиг!» – скажут пацаны.
Надька лыбится игриво: все веснушки мне видны:

– Не вчера ль Серёжка Спрыгин поборол тебя при всех?
Вот зараза! Как – не прыгнуть? Не стерплю я Надькин смех...

Разбегаюсь. А Валерка – без разбега, камнем – вниз.
Тоже Надькина проверка или собственный каприз?

Так иль нет – герои оба. Смелость негде взять взаймы.
В грязной мякоти сугроба оказались вместе мы.

Ноги целы, руки тоже. А в свидетелях друзья.
Поборол меня Серёжа, но с обрыва прыгнул я!

Что Валерка? Мы не пара! На два года старше он.
Несчитово! Без базара – я сегодня чемпион!

Мы с Валеркой даже в омут прыгнем... Надьку не пойму.
Надька как-то по другому улыбается ему.

ПУЧИНИН ПРИЕХАЛ

– Нагрязнули гости, Мариша, встречай!
– Пельмени готовы, заварен и чай!

– Петруха, годок*, доставай самогон,
покуда в подполье не выдохся он.
Пучинин приехал, твой друг фронтовой!
Не вы ль обещали с соседкой-вдовой
меня познакомить? Я год, как вдовец.
Товар покажите, приехал купец!
Вы ж знаете, Лида мне дочь родила,
потом заболела, потом... умерла.
Налей на помин ненаглядной жены!
Уж лучше бы я не вернулся с войны!

(Ах, пусть не соврёт у поэта строка.
Не чокаясь, выпили два мужика).

– Два года прошло. Тяжело одному.
Кто дочку полюбит, я ту и возьму.
Жених-то лицом скособочен слегка –
немецким осколком задета щека.
Повешу (смеётся) медали на грудь...
Вот дети меня не боятся ничуть.
Директором школы назначен в Бетьках.
С башкою порядок, есть сила в руках.
Зарплата, хозяйство, дрова – про запас.
Учителя ценят в деревне у нас.

– Да мы молодые ещё мужики!
Любая достойна солдатской руки!

– Твоя-то рука заживает, кузнец?
(Был в правую ранен на фронте отец).
Как левой рукой - не возьму себе в толк –
ты, Пётр, научился держать молоток?

– Секрет небольшой, понимаешь ли, тут.
Подручные – Борька да Санька – растут.
И третий – Колянъка с Маришей у нас.
Вот осень наступит – пойдёт в первый класс.
А вырастет он (я на печке притих),
чем Люське твоей – сироте - не жених?..
Ходил с полусогнутой я по земле
(тут гость засмеялся: «Как Сталин в Кремле!»),
но пальцы и кисть разработать помог
всё тот же кузнечный простой молоток.

---

* Годок – одногодок (диалект.)

Теперь я и правой работать могу
и врезать могу по сопатке* врагу.
Давай за Победу ещё по одной!
Мариша! Не спорь, не ругайся со мной!

По сорок годков ветеранам войны.
Не раз ещё сдвинут они стакаНЫ.
Не вышло в тот вечер у них сватовства.
Мариша друзей проводила едва
до летней пристройки. Уснули бойцы,
всему моему поколению отцы.
Их слушать и дальше хотелось бы мне,
да только ни слова они о войне...

УРОКИ РУССКОГО

Самовар остывал неохотно,
и беседа, как речка, текла.
А лиловые сумерки плотно
опускались на крыши села.
– Ночевать-то оставишь, Мариша?
– На ночь глядя, куда ж ты пойдёшь?

Вот и жизнь пролетела, а слышу
на два голоса оканье сплошь:
– Понесёт – не догонишь на паре, –
о соседке судачат они:
наша мама и тётя Варя,
наша гостья из дальней родни.
Мне давно уж пора – за тетрадки.
Завтра в школу. Что ж, делаю вид...
Не могу не подслушать украдкой –
тётя Варя опять говорит:
– Пусть Петруха поправит тычинник –
в огурешнике вашем дыра.
– Сам-то в кузнице. Борька починит.
Или Санька - обоим пора.
– Трудно с ними? Семья-то большая:
трое неслухов, пара невест...
– Нет! Живём, никому не мешая,
Бог не выдаст, а нехристь не съест.

Чашку чая с гостинцем откушав,
я залезу на тёплую печь.
Пусть вливается в детскую душу
деревенская русская речь...

---

* Сопатка – морда (диалект.)

НА МАСЛЕНИЦУ

От зимнего солнца закапало с крыши уютного домика бабы Мариши.
С карниза сосульки висят, как свирели.
С них в марте капли вовсю зазвенели.
А к бабе Марише скворцы прилетели,
уселись на крыше...

И внук её, Юрка, беспечен и весел,
на старой рябине скворечник повесил.
Мариша и рада – чирикают пусть
и в дом не пускают унынье и грусть.
Хоть место известно на сельском погосте,
ещё в домовину не просятся кости.
Из города – видишь – нагрянули гости:
три сына, две дочери - мама, встречай!
В твоём самоваре особенный чай!
Все взрослые стали. И хлеба не просят.
Мариша смеётся: «Наверно, не бросят.
Видать, пятерых поднимала недаром...»
А Юрка: «Бабуля, следи за базаром!
Без деда ты главная в нашем роду!»

На яблонях почки набухли в саду...

Найдут сыновья молоток да топор,
починят калитку, поправят забор.
А в горнице снохи – и хохот, и топот –
пельменей настряпают, печку натопят.
Румяны бабёнки, румяны блины!
Сто лет бы жила от весны до весны...

* * *

Вспомню детство у ласковой речки,
что петляет, ключами звеня,
вдоль села, где на летнем крылечке
ждется мама меня.

Не она ли, в реке полоская
вперемежку с бельём облака
и меня от себя отпуская,
вслед крестила? Ты помнишь, река?..

Я вернулся, а мамы уж нету.
И река укоряет с тоской,
что напрасно я рыскал по свету
за удачей, не ясно какой.

Где друзья, где бывшие подружки?
На кого опереться в тоске?
Все вернёмся на вечные круги,
проплывая в небесной реке.

А земная река захирела,
и обрушился сгнивший мосток.
Что стоишь? Принимайся за дело!
Кто починит родимый исток?

БЕЗСМЕРТНЫЙ ПОЛК*

Идём одной колонной. И у каждого
в руках портрет – реликвия своя.
Не господа – товарищи и граждане –
единая российская семья.

Знамёна и хоругви здесь не лишние,
Отцы и деды с нами. Мы – народ!
Они – в Небесном войске у Всевышнего,
мы на Земле свершаем Крестный ход.

Враги, вы зря протестами полощите, –
идут богатыри, а с ними Бог!
Вся ваша мелюзга с Болотной площади
осядет пылью пройденных дорог.

Со мною внучка, сын, жена любимая
и вся моя Орловка, вся родня.
Идёт по свету рать неодолимая!
Отец родной, ты слышишь ли меня?

Ты плачешь ТАМ слезами чистой радости.
Ты не забыт, и пахарь, и солдат!
Не надо фейерверков – из-под радуги
на нас, живых, бессмертные глядят!

Державный шаг с молитвами великими –
единства очищающий момент!
Вглядись в людей – их лица стали ликами,
И впереди колонны – президент.

А лучше – вождь, вернувший Крым Отчеству,
и у него в руках родной портрет.
Бессмертный фронт – спаситель человечества!
Другой опоры не было и нет!

---

* На букве «з» настаиваю